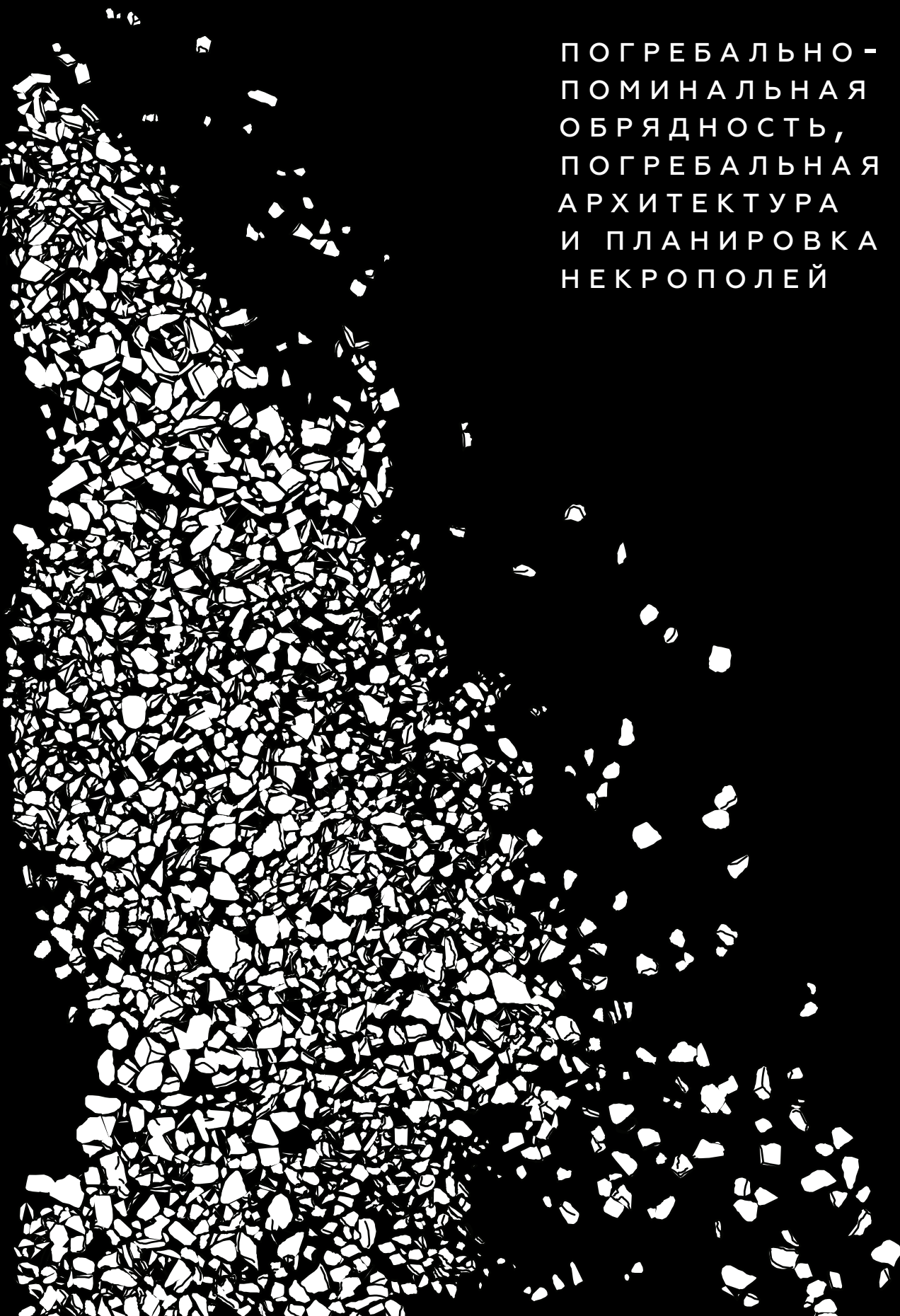

ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ:

ПОГРЕБАЛЬНО-
ПОМИНАЛЬНАЯ
ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА
НЕКРОПОЛЕЙ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
PROCEEDINGS. VOL. 47

**ANCIENT NECROPOLISES —
FUNERAL AND MEMORIAL RITUALISM, ARCHITECTURE
AND PLANNING OF NECROPOLISES**

St. Petersburg

2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ТРУДЫ ИИМК РАН. ТОМ 47

**ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ —
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА НЕКРОПОЛЕЙ**

Санкт-Петербург

2018

УДК 902/904

ББК 63,4

Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. — Санкт-Петербург, ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. — 256 с., ил.

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for publication by the Academic Board of IHMK RAS

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. ред.), М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, С. А. Яценко
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), M. E. Kilunovskaya, N. A. Lazarevskaya, S. A. Yatsenko

Перевод на английский язык А. В. Семёнов
English translation: A. V. Semenov

Рецензенты: доктор исторических наук В. А. Лапшин, доктор исторических наук А. Ю. Алексеев, кандидат исторических наук В. А. Алёкшин
Reviewers: Doctor of Historical Sciences V. A. Lapshin, Doctor of Historical Sciences A. U. Alekseev, Candidate of Historical Sciences V. A. Alekshin

Предлагаемый читателю сборник является публикацией материалов представительного международного Круглого стола «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей», проведенного в Петербурге в ноябре 2016 г. Он является второй из задуманной серии подобных встреч, посвященных малоисследованным аспектам погребальной обрядности, отражению в материалах археологии ментальности и субкультурной специфики. В публикуемых текстах особое внимание уделяется закономерностям внутренней планировки некрополей и святилищ, междисциплинарному исследованию памятников такого рода, редким формам погребальных и надмогильных сооружений, обрядам обезвреживания умерших, в том числе с их черепами, человеческих жертвоприношений, реконструкции средневековых наземных склепов (выглядеющих сейчас как курганы) и т.п. Тексты размещены в хронологической последовательности от неолита к позднему средневековью. Сборник будет полезен археологам, религиоведам, этнографам, историкам и всем интересующимся древней религией и культурными корнями ряда современных традиций.

We are glad to offer this digest to the readers. This is the publication of the materials of representative international Round table «Ancient necropolises: funeral and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises», which took part in St.-Petersburg, November 2016. It is second in series of similar meetings, dedicated to the little-explored aspects of funeral ritualism. One of those aspects is the reflection of mentality and sub-cultural specifics in archaeological materials. In the published texts special attention is paid to the regularities of internal planning of necropolises and sanctuaries, interdisciplinary research of this type of sites, rare forms of burial constructions, "disarming" rituals with bodies and skulls, human sacrifices, reconstruction of the medieval land crypts (which now look like barrows), etc. Texts are arranged in chronological sequence from Neolithic to Late medieval. Digest would be useful for archaeologists, ethnologists, religious scholars, historians and everyone who wish to study ancient religions and cultural roots of some modern traditions.

На лицевой стороне обложки: могильник Эки-Оттуг 2, курган 1, Тыва

ISBN 978-5-93572-816-8

© Институт истории материальной культуры РАН /
Institute for History of Material Culture RAS, 2018

© Государственный Эрмитаж /
The State Hermitage Museum, 2018

© Авторы статей / Authors of papers, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Перцева М. А. Ямы с фигурными выемками — особый вид погребений среднего бронзового века	10
Ковалев А. А. Могильные ямы, моделированные по форме повозки, в Синьцзяне и Восточном Казахстане: их датировка и происхождение	25
Куприянова Е. В., Кириллов А. К. Роль и функции рва в погребальных комплексах эпохи бронзы Южного Зауралья	34
Рафикова Я. В. Антропоморфные стелы в погребальной обрядности эпохи поздней бронзы Южного Зауралья	40
Лазаретов И. П., Морозов С. В., Поляков А. В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры	51
Усманова Э. Р. Кефалотафия по-андроновски (по материалам погребений Лисаковской округи II тыс. до н. э.)	57
Боковенко Н. А. Вход в погребальное сакральное пространство у древних народов Среднего Енисея IV—I тыс. до н. э.	63
Ташбаева К. И. К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня	71
Агульников С. М. О топографии и планировке могильника белозерской культуры Причерноморья	79
Малюкевич А. Е., Агульников С. М. Курганные некрополи Днестровского Правобережья	86
Килуновская М. Е. Погребальные памятники Тувы от древности до средневековья	92
Кисель В. А. Человеческие жертвоприношения могильника Догээ-Баары в Туве	106
Семенов Вл. А. Планиграфия могильников Суглуг-Хем I и Суглуг-Хем II в Туве (III—II вв. до н. э.)	113
Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби)	123
Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С. Выставление голов у носителей каменной культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя)	134
Субботин А. В. Курганные некрополи тагарской культуры на юге Назаровской котловины ..	144
Акулов А. Г. «Время котов». Великолепные полтора века мемориалов тагарских нобилей ...	149
Вадецкая Э. Б. Отражение в коллективных могилах Енисея представлений о смерти индивида и возрождении социума	164
Козленко Р. А. Обряд обезвреживания погребенных в Нижнем Побужье в античный период	174
Федоров В. К. Вторжения в могилы единоплеменников при совершении новых захоронений у ранних кочевников Южного Урала VI—I вв. до н. э.	181
Сиротин С. В. Планиграфическое отражение основных этапов сооружения курганного могильника Переволочан I в Зауральской Башкирии	192
Ивченко А. В. Постпогребальная обрядность на некрополе Ольвии	201
Полин С. В. Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье	206
Симонян А. Е., Атоянц Е. А. Некрополь Тейшебаини	216
Яценко С. А. Возможности анализа планиграфии малых сарматских некрополей	224

Андрух С. И., Тоцев Г. Н. Археологические культуры Северного Причерноморья в фокусе Мамай-Горы	232
Смагулов Е. А. Место наземных склепов в погребальном обряде раннесредневековой Сред- ней Азии	241
Список сокращений	251
Сведения об авторах	253

CONTENTS

Introduction	9
Pertseva M. A. Pits with figured recesses — special type of burial constructions of middle Bronze Age	10
Kovalev A. A. Grave pits modelled by the shape of cart in Xinjiang and Eastern Kazakstan: dating and origins	25
Kupriyanova E. V., Kirillov A. K. Role and functions of a moat in burial complexes of Bronze Age of Southern Trans-Urals.	34
Rafikova Ya. V. Stone anthropomorphic steles in the funeral rites of late Bronze age of Southern Trans-Urals	40
Lazaretov I. P., Morozov S. V., Polyakov A. V. New data on manipulations with skulls in the funeral rite of Okunevo culture	51
Usmanova E. R. Kefalotaphy in Andronovo culture (by the materials from burials of Lisakovskaya okrug of 2 nd millenium B. C.)	57
Bokovenko N. A. Entrance into the sacred funeral space among the ancient peoples of Middle Yenisei IV–I millenium B. C.	63
Tashbaeva K. I. To the semantics of dromoses and entrances in the timber constructions of Inner Tien-Shan early nomads	71
Agulnikov S. M. About topography and planning of Belozerskaya culture cemeteries	79
Malyukevitch A. E., Agulnikov S. M. Barrow necropolis of the Dniester Right Bank	86
Kilunovskaya M. E. Burial sites of Tuva from primeval to medieval ages	92
Kisel V. A. Human sacrifices on Dogae-Baary cemetery in Tuva	106
Semenov VI. A. Planigraphy of Suglug-Khem I and Suglug-Khem II cemeteries in Tuva (III–II centuries B. C.)	113
Borodovskiy A. P. Funeral space in the context of polyculturalism (on materials from Bystrovsky necropolis of early Iron Age on Upper Ob)	123
Shishkin A. S., Volkov P. V., Zubova A. V., Kishurko M. S. Exposing of heads among the bringers of Kamenskaya culture of Upper Ob (on materials from Bystrovsky necropolis)	134
Subbotin A. V. Barrow fields of tagarskaya culture in the south of the Nazarovo basin	144
Akulov A. G. «Time of cats». Amazing century of Tagarskaya noble monuments	149
Vadetskaya E. B. Death of an individual and revival of society reflected in collective graves of Yenisei basin	164
Kozlenko R. A. Rite of disarming of the buried bodies among population of Lower Pobuzhue ...	174
Fedorov V. K. Encroaching of tribe-mate graves during the creation of new burials among nomads of Southern Urals at VI–I centuries B. C.	181
Sirotnin S. V. Planigraphic reflection of the main constructional stages of Perevolochan barrow cemetery in Trans-Ural Bashkiria	192
Ivchenko A. V. After-funeral rituals on Olbia necropolis	201
Polin S. V. About the despoilment of Scythian mounds in Northern Black Sea Coast	206
Simonyan H. E., Atoyantz E. L. Necropolis Teyshebaini	216

Yatsenko S. A. Possibilities of minor sarmatian necropolises planographic analysis	224
Andruh S. I., Tosheev G. N. Archaeological cultures of Northern Black Sea Coast in focus of Mamai-Gora	232
Smagulov E. A. Place of surface crypts in the funeral rite of early-medieval Central Asia	241
List of abbreviations	251
List of contributors	253

Н. А. Боковенко

ВХОД В ПОГРЕБАЛЬНОЕ САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО У ДРЕВНИХ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ IV–I ТЫС. ДО Н. Э.

Начиная с IV тыс. до н. э. на Среднем Енисее прослеживаются скотоводческие культуры, погребальный обряд которых предусматривал захоронение усопших в различные каменные сооружения. В соответствии с их системой миропонимания и сложившимися обрядами, важная роль в погребальных конструкциях отводится организации входа в сакральное пространство «мира мертвых». В каждой из археологических культур IV–I тыс. до н. э. (афанасьевской, андроновской, карасукской и тагарской) каменные погребальные сооружения (круглые и подквадратные) имели свою специфику, и вход в них был организован по-разному. Общая тенденция во времени — усложнение конструкции входа.

Ключевые слова: Средний Енисей, вход, погребальные сооружения, афанасьевская культура, андроновская культура, карасукская культура, тагарская культура

Важным элементом погребальной сакральной деятельности во многих культурах является организация входа в погребальное пространство. Разнообразные варианты входа значительно варьируют в зависимости от места, времени и религиозных представлений, но, по-видимому, были всегда обязательными. В различных культурах Среднего Енисея организация входа в погребальное сооружение прослеживается не всегда так определенно, как, например, в тагарской культуре, но все же отдельные элементы этого явления удастся выявить. М. П. Грязнов убедительно показал, что курган, как архитектурное сооружение, изначально планировался под определенную идею (Грязнов, 1961).

Первые каменные реальные конструкции для погребения усопших пока относятся к афанасьевской энеолитической культуре (IV–III тыс. до н. э.), которая прослежена в степной зоне горной системы Саяно-Алтая. Это первая курганная культура этого региона с древнейшим европеоидным населением, которая являлась самой восточной в системе скотоводческих культур Евразии; за горами Восточного Саяна жили монголоиды.

В районе Среднего Енисея небольшие курганные могильники афанасьевской культуры встречаются как в глубинных районах степи, так и по берегам рек. Курганы представляют собой небольшие земляные холмы с выложенными под ними каменными кольцами оградок из валунов, крупного галечника, или чаще из плит, уложенных горизонтально. Иногда встречаются ограды из вертикально врытых плит. Первоначально высота оград достигала 1 м, диаметр 5–20 м. В центре ограды находились обычно одна или две могилы, в редких случаях три. Форма могилы близка к квадрату (со стороной от 2 до 4 м). Могилы перекрывали бревенчатым накатом, затем сооружали небольшую насыпь и иногда ее обкладывали плитами. Помимо этих основных могил, в той же ограде, или с внешней стороны, устраивали дополнительные могилы, в которых хоронили преимущественно детей. В могилах хоронили от одного до восьми человек. Погребенные лежат либо на спине с согнутыми в коленях ногами, либо на боку в скорченном положении.

Ограды тщательно сооружались, внешняя сторона ограды всегда аккуратно выравнивалась или даже подрабатывалась. С внешней стороны оград также, в западной и южных частях, фиксируются места начала и окончания сооружения круговой кладки, особенно это хорошо видно на примере ограды № 3 (могильник Малиновый Лог) (рис. 1, 4), где это место стыковки заложено плитами (Боковенко, Митяев, 2010). Но не исключено, что это место является входом в погребальное пространство, которое затем аккуратно закладывалось. Серия таких входов в восточных и западных секторах ограды осталась не заложеной или развалилась в результате слабой закладки (Кор-Кабы-1, курган № 1; Карасук III, ограда № 9; Карасук III, ограда № 13; Красный Яр 1, курган № 15; Красный Яр 1, курган № 7; Малиновый Лог, ограда № 5; Малые Копены III, ограда № 3; Нумахыр 1, ограда № 1 (Вадецкая и др., 2014. Рис. 40 и сл.) (рис. 1).

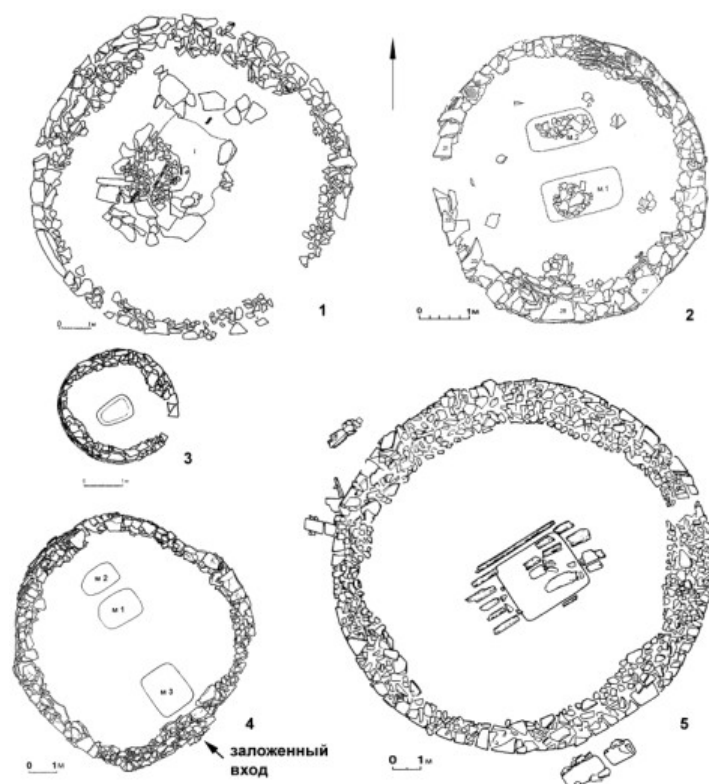

Рис. 1. Входы в ограды на могильниках афанасьевской культуры: 1 — Карасук III, ограда № 6 (по: Грязнов, 1999); 2 — Нумахыр, ограда № 1 (раскопки Н. А. Бокovenко); 3 — Малиновый Лог, ограда № 2 (раскопки Н. А. Бокovenко); 4 — Малиновый Лог, ограда № 3 (раскопки Н. А. Бокovenко); 5 — Малиновый Лог, ограда № 5 (раскопки Н. А. Бокovenко)

Окуневская культура (конец III – первая половина II тыс. до н. э.) в основном сосредоточена в этом же регионе, но, видимо, генетически с афанасьевской не была связана. Погребенные в окуневских могилах принадлежали иному расовому типу (европеоидному с примесью монголоидности), чем афанасьевцы, и генетические связи обеих групп, по-видимому, различны.

Усопших в этой культуре хоронили в каменных ящиках или грунтовых могилах, как правило, в одной большой каменной ограде (квадратной, прямоугольной и реже круглой) из вертикальных плит, часто небрежно сделанных и, видимо, формальных. Могильники представляют собой небольшие кладбища (Уйбат III–V, Черновая, Верхн. Аскиз и др.), состоящие из нескольких курганов или больших квадратных оград из вертикальных плит (до 40 × 40 м), в которых встречается до двух десятков могил: грунтовых, каменных ящиков и, очень редко, в виде катакомб. В основном, это индивидуальные захоронения взрослых и детей, коллективных могил мало. Поскольку подзахоронения были редки, то, видимо, и не выработалась традиция сооружения специального входа.

Андроновские могильники (середина II тыс. до н. э.) не очень многочисленны и состоят из десятка или нескольких десятков (до 60) оград. Погребальные сооружения в виде круглых и квадратных оград, сделанных из вертикально вкопанных или горизонтально уложенных плит. Хоронили в больших каменных ящиках, цистах или деревянных срубках по обряду труположения, на левом боку, головой на запад или юго-запад. Обряд трупосожжения представлен в меньшей степени (Максименков, 1978. С. 82). И хотя в регионе Среднего Енисея явных входов в ограду не прослежено, можно лишь отметить разрывы оград и квадратные каменные ящички в восточной и южной частях оград (рис. 2). Зато на территории Казахстана, откуда, по мнению многих авторов, пришло это население, таких оград со специально оформленным входом достаточно много в памятниках типа Бегазы (Маргулан, 1998. С. 155 и др.).

Археологические памятники карасукской культуры (конец II тыс. до н. э.) представлены как могильниками (более 150), насчитывающие более одной-двух тысяч в могильнике (более трех тысяч могил уже исследованы), так и поселениями.

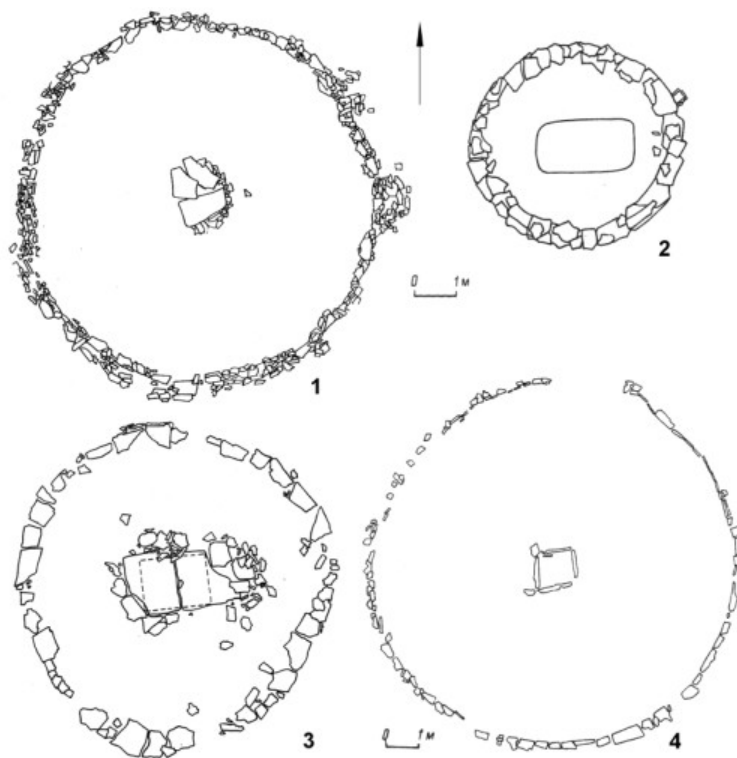

Рис. 2. Входы в ограды на могильниках андроновской культуры: 1 — Сухое озеро 1, ограда № 7 (Максименков, 1978); 2 — Сухое озеро 1, ограда № 16 (Максименков, 1978); 3 — Сухое озеро 1, ограда № 29 (Максименков, 1978); 4 — Новая Черная, ограда № 8 (Максименков, 1978)

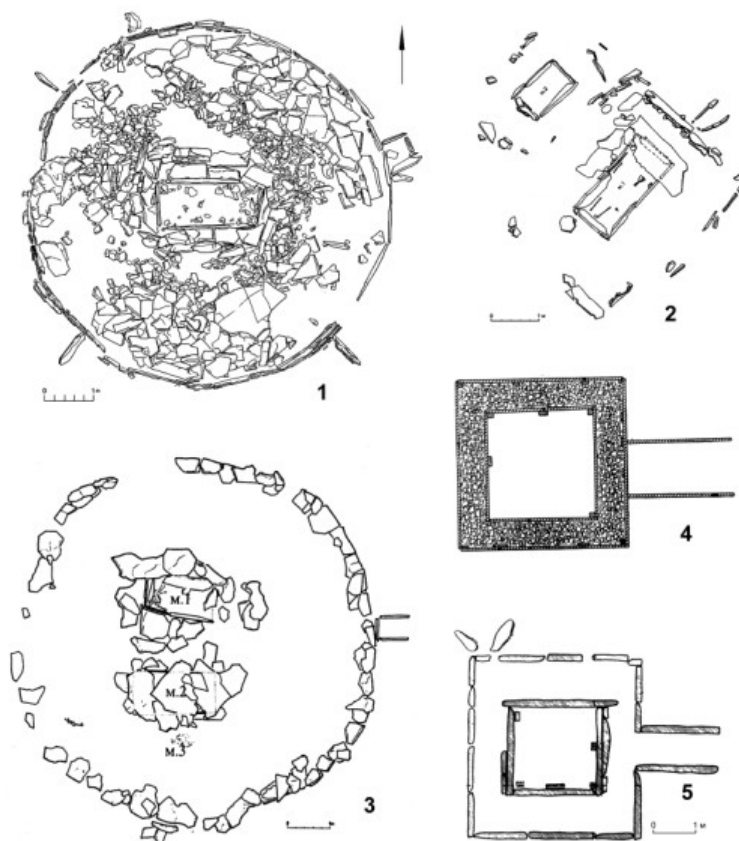

Рис. 3. Входы в ограды на могильниках карасукской культуры: Анчил чон, ограда № 5 (раскопки Н. А. Боковенко); 2 — Игос, ограда № 4 (раскопки Н. А. Боковенко); 3 — Мара, ограда № 1 (Паульс, 2000); 4 — Бегазы, мавзолей 2, Казахстан (Маргулан, 1998); 5 — Бегазы, мавзолей 6, Казахстан (Маргулан, 1998)

Могильники расположены в удобных котловинах, часто недалеко от воды и бывают разные: небольшие, состоящие из десятка или нескольких десятков оград, и несколько сотен и тысяч каменных оград (*Грязнов и др., 1968*). Погребальный обряд в классических карасукских могильниках однообразен. В небольшой каменной ограде — одна-две могилы. В основном это индивидуальные захоронения, редко захоронено больше двух человек. Явных входов в ограду в этой культуре не встречено, но с внешней восточной стороны ограды встречаются либо две вкопанные параллельные плитки (*Июс, курган № 1; Мара, ограда № 1*) (рис. 3, 2–3), либо пристроен небольшой каменный ящик, через который могли входить в сакральное пространство кургана, как, например, на могильнике Анчил чон 1, в курганах № 2 и 4 (рис. 3, 1) (*Vokovenko, Legrand, 2000; Паульс, 2001*). Могильники позднего этапа значительно меньше, и погребальные сооружения выполнены менее тщательно. По углам ограды имеют угловые камни, как в последующую тагарскую эпоху.

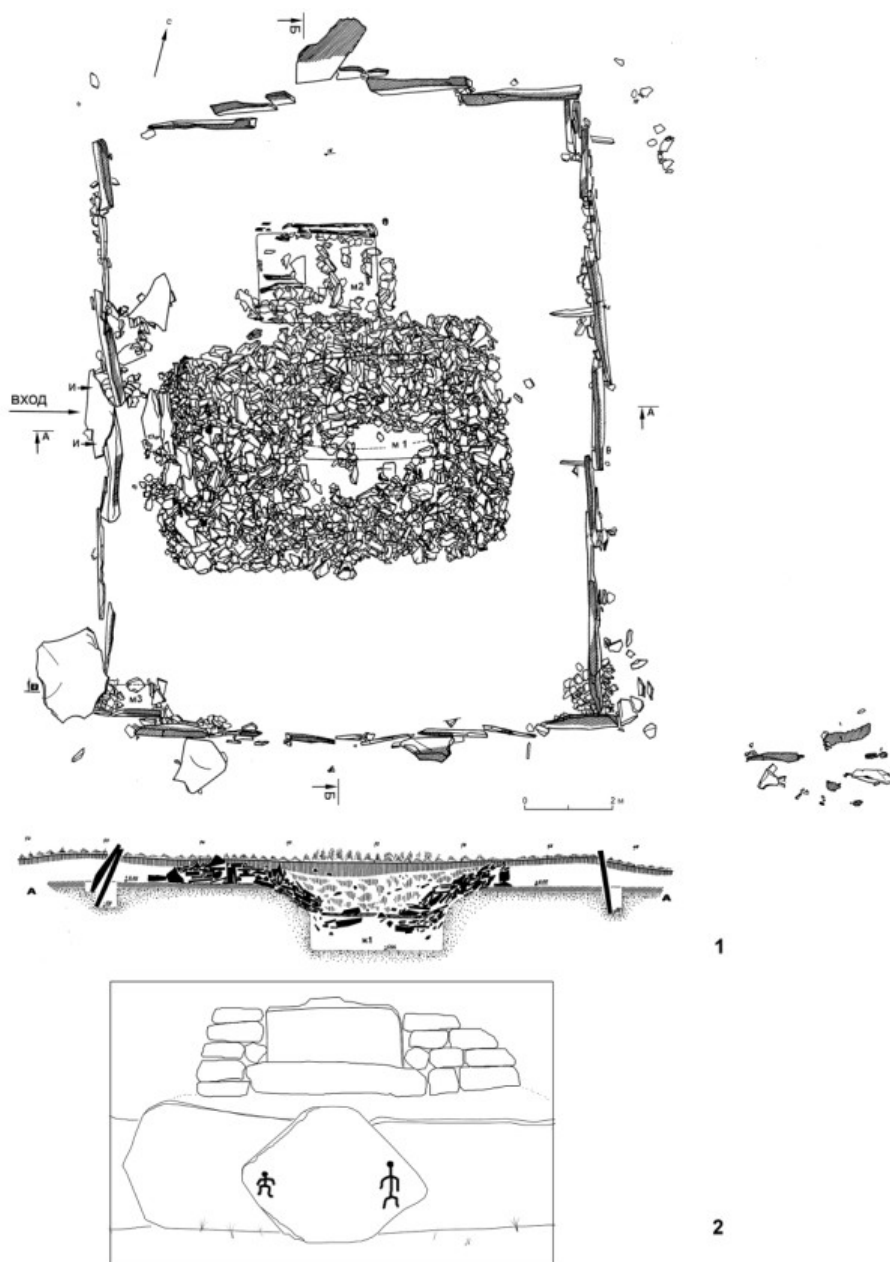

Рис. 4. Входы в ограды на могильниках тагарской культуры: Есино 16, курган № 1, могила № 1: 1 — план и разрез ограды; 2 — фрагмент западной фронтальной части ограды и входа в могилу (раскопки Н. А. Боковенко)

Могильники тагарской культуры (I тыс. до н. э.) встречаются практически по всей территории юга Красноярского края и Республики Хакасия и благодаря наличию высоких вертикальных каменных стел по периметру плиточной ограды достаточно хорошо видны и сейчас. Наиболее ранние могильники небольшие и однотипны по конструкциям оград, более поздние насчитывают сотни курганов и представляют скопление разнообразных погребальных памятников. Характерной особенностью тагарской погребальной традиции является захоронение погребенных в квадратной или прямоугольной ограде из вертикально вкопанных (иногда горизонтально сложенных) плит, по углам которой и по периметру ограды устанавливались вертикальные стелы.

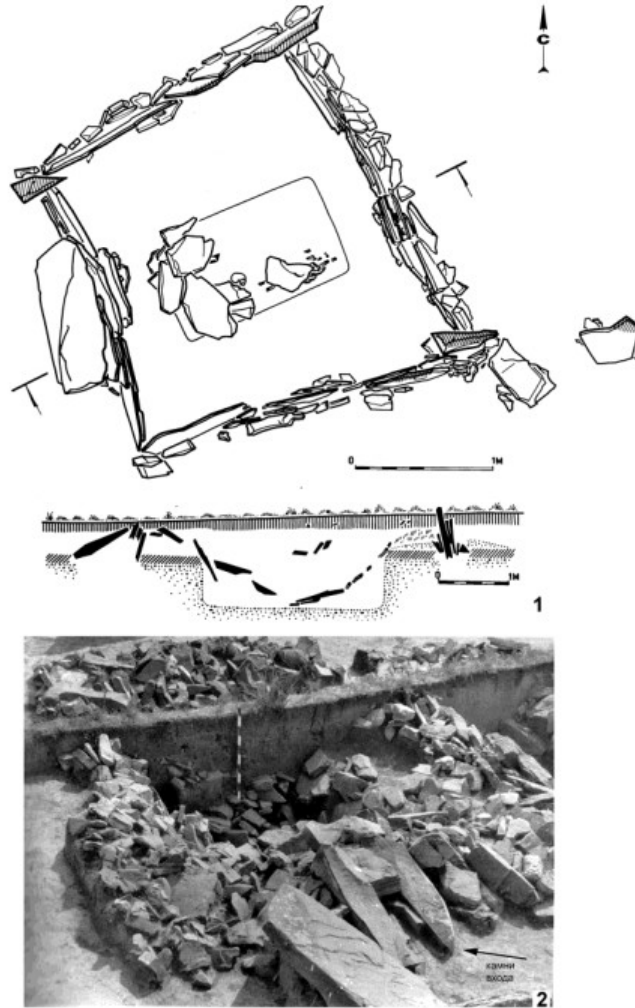

Рис. 5. Входы в ограды на могильниках тагарской культуры. Есино 17, курган № 2, могила № 1:
1 — план и разрез ограды, 2 — камни входа в могилу (по: Савинов, 2012)

В раннетагарское время (IX–VI вв. до н. э.) ограды по размерам и пропорциям близки карасукским и не всегда имели по углам высокие стелы, хотя сами ограды достигали 1 м высоты. Часто ограды пристраивались друг к другу, сами плиты оград укреплялись контрфорсами, в ограде появляются вертикальные стелы, число которых достигает восьми. Внутри ограды обычно одна-две могилы, последняя, как правило, пристроена позже. Основной тип погребального сооружения — каменный ящик, в котором погребен один, реже — два человека. Общая тенденция тагарской погребальной обрядности — увеличение размеров могил, постепенная замена ящиков на деревянные срубы с мощным деревянным перекрытием в несколько накатов и увеличение числа погребенных, превращение больших могил в коллективные склепы. Если вначале погребенные, уложенные на спину в вытянутом положении, имели устойчивую ориентировку головой на юго-запад (реже на северо-восток), то в коллективных захоронениях она варьирует.

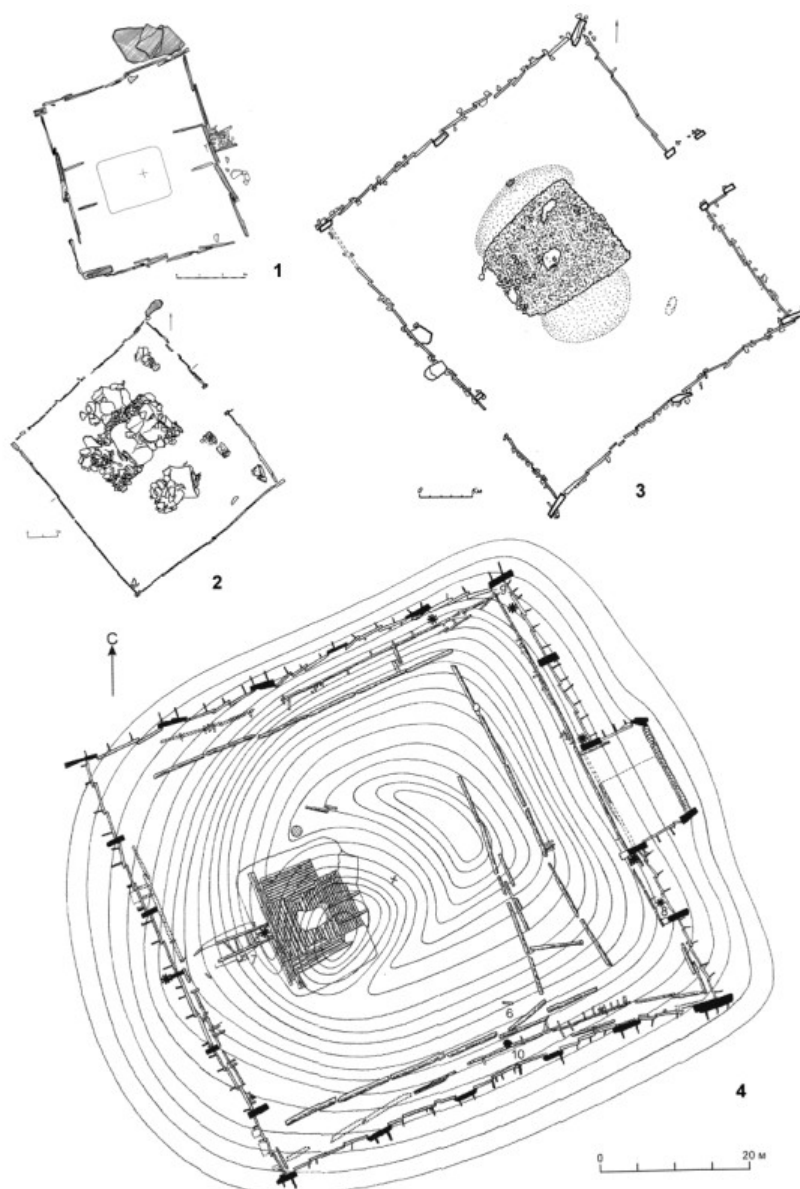

Рис. 6. Входы в ограды на могильниках тагарской культуры: 1 — Верх. Аскиз, курган № 12 (раскопки Н. Ю. Кузьмина); 2 — Туран 2, курган № 3 (раскопки А. Д. Грача); 3 — Тигей (по: Паульс и др., 1985); 4 — Большой Салбыкский курган (по: Марсидолов, 2015)

На байновском этапе захоронения одноактные, но с подгорновского этапа встречаются вторичные подхоронения, и в этом случае формируется с западной стороны вход в могилу (Паульс, Подольский, Седых, 1985). Остатки таких входов достаточно хорошо прослежены на могильниках Есино 16, курган № 1 (рис. 4) (раскопки Н. А. Боковенко) и Есино 17, курган № 1 (рис. 5) (Савинов, 2012. Фото 11). Они представляли собой большие каменные блоки с западной стороны на краю могилы, уложенные параллельно, перекрытые плитами и с установленной вертикальной плитой-запором перед спуском в могилу. Позднее, на сарагашенском этапе, когда коллективные могилы становятся нормой, входы весьма варьируют и развиваются в конструктивном плане в зависимости от величины кургана и могилы, которая формируется в виде деревянных склепов с перекрытием (рис. 6). Вход в могилу, как правило, расположен с западной стороны, а в ограду — с восточной. В ограде из вертикальных плит формируется вход-ворота (Александров и др., 2014). Они оформлены по углам вертикальными стелами, перекрытыми также вертикальной плитой или заложены горизонтальными плитами (Салбык).

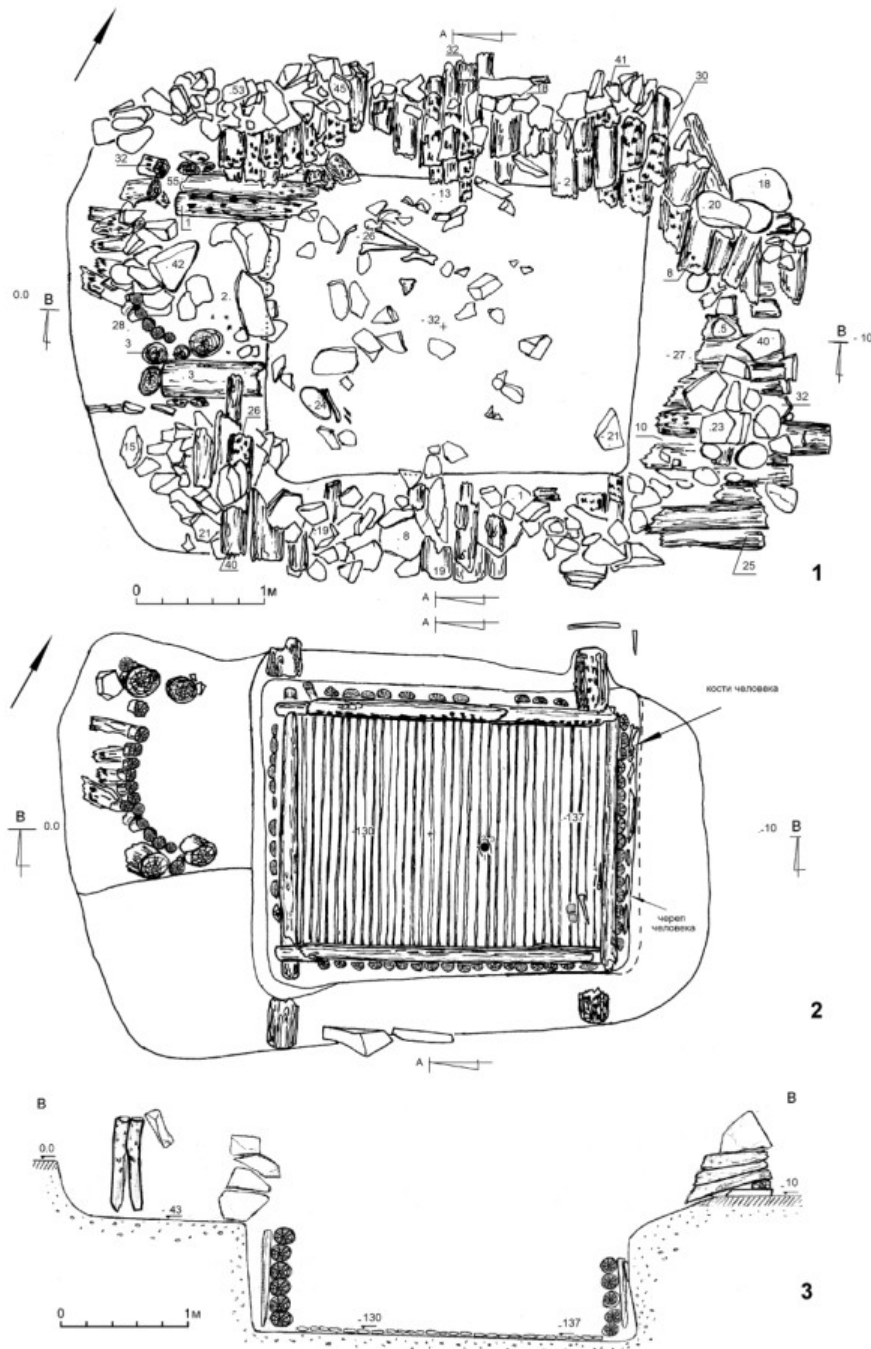

Рис. 7. Входы в ограды на могильниках тагарской культуры: Шалгинов 2, курган № 1, могила № 2 (1 — план могилы, 2 — план деревянных конструкций, 3 — разрез (раскопки Н. А. Бокоренко)

Основная тенденция развития входа — усложнение конструкций входа. В могиле он формируется в виде деревянного тоннеля из горизонтальных и вертикальных бревен на борту и затем в виде лестницы до пола (Медведка 1). Иногда деревянный вход перекрывает каменная плита, ряд больших камней или деревянный частокол (рис. 7). Через него и осуществлялся занос тел в коллективные склепы по мере необходимости. Наиболее развитые формы входа встречены в позднеатагарское время, например, на таких погребальных памятниках как Новые Мочаги, Барсучий Лог и др. (рис. 8) (Parzinger et al., 2007; Кузьмин, 2008. С. 191–193) и в таптыкской культуре (Тепсей III, склеп № 2) (Грязнов, 1979). Таким образом, идея входа, как генерирующее явление «перехода», начала формироваться с энеолита, но особенно она развилась и многопланово оформилась в тагарской погребальной традиции Среднего Енисея и дожила вплоть до раннего средневековья.

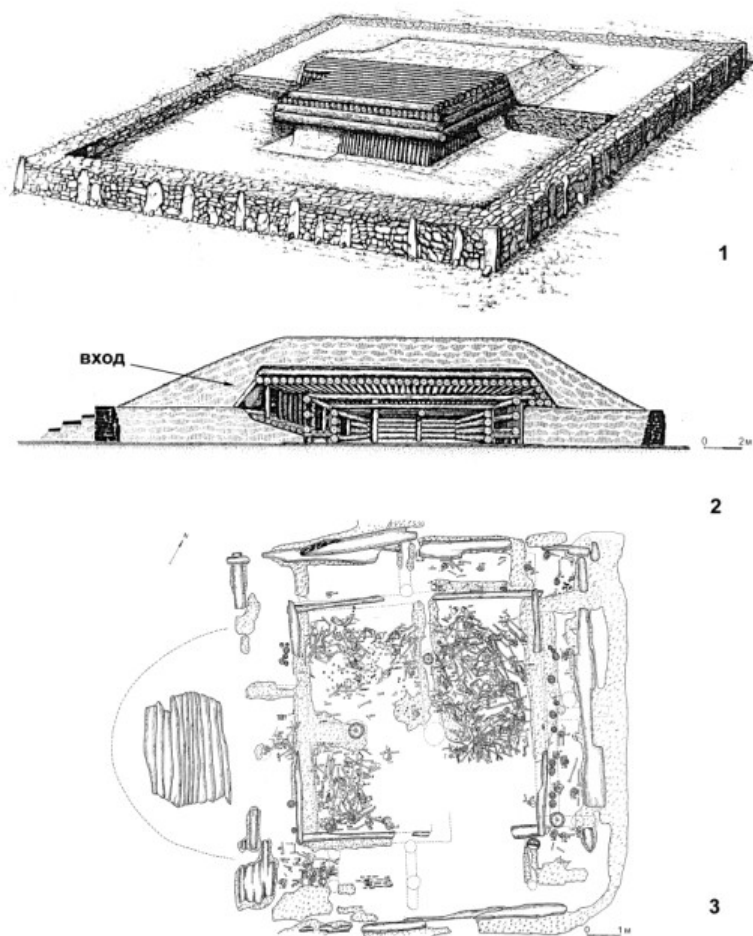

Рис. 8. Входы в ограды на могильниках тесинской культуры.
Новые Мочаги: 1–2 — реконструкция кургана, 3 — план могилы (по: Кузьмин, 2011)

Александров С. В., Бокovenko Н. А. Смирнов Ю. А. Археологические памятники долины Черного Июса на севере Хакасии. СПб., 2014.

Бокovenko Н. А., Митяев П. Е. Афанасьевский могильник Малиновый Лог на Енисее // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. Вып. 1.

Грязнов М. П. Курган как архитектурный памятник // Тез. докл. на заседаниях, посвящ. итогам полевых исследований в 1960 г. М., 1961.

Грязнов М. П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979.

Грязнов М. П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб., 1999.

Грязнов М. П., Максименков Г. А., Пяткин Б. Н. Карасукская культура // История Сибири. Л., 1968. Т. 1.

Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул, 2014.

Кузьмин Н. Ю. Этапы сложения и развития тесинской культуры (по погребальным памятникам степей Минусинской котловины) // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Сб. материалов Междунар. науч. конф. Астана, 2008.

Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбинского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура. СПб., 2011.

Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.

Маргулан А. Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алматы, 1998.

Марсадолов А. С. Отчет об исследовании Большого Салбыкского кургана и его окружения. / Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. 2015. Вып. 6.

Паульс Е. А. Курганы тагарской культуры со входами // Евразия сквозь века. СПб., 2001.

Паульс Е. А., Подольский М. А., Седых В. Н. Курган раннетагарского времени у села Тигей // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985.

Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). СПб., 2012.

Bokovenko N. A., Legrand S. Das karasukzeitliche Grüberfeld Anchil Chon in Chakassien // Eurasian Antiqua. Berlin, 2000. Bd. 6.

Parzinger H., Nagler A., Gotlib A. Die Fürstengräber der Tagar-Kultur // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. München; Berlin; London; Neu York, 2007.